

Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства

Кефели И. Ф.^{1,*}, Выходец Р. С.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу когнитивного аспекта информационно-психологического противоборства на евразийском пространстве, а также изучению эволюции идей, которые в настоящее время принято обозначать термином «информационно-психологическое и когнитивное противоборство».

Цель. Выявить специфику обеспечения евразийской безопасности в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства.

Задачи. Определить теоретические источники концепции информационно-психологического противоборства. Проанализировать роль современных информационно-коммуникационных технологий и их теоретического осмысления в становлении концепции информационно-психологического противоборства. Определить предметные границы современной концепции информационно-психологического противоборства.

Методология. В исследовании применены как общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, так и ряд специальных методов и подходов: сравнительный анализ, методология критической геополитики, контент-анализ, информационный и исторический подходы.

Результаты. Исследование показало, что на становление современной концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства значительное влияние оказали теоретико-прикладные исследования, связанные с осмыслением роли психологических операций и применения специальных средств воздействия на психику человека в современных военных конфликтах, а также научные разработки в сфере изучения современных методов манипуляции и пропаганды, расширения арсенала средств гибридных конфликтов, вивонизации цифровых технологий, возникновения новых измерений международных конфликтов.

Объект. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность как самостоятельное направление обеспечения глобальной безопасности на евразийском пространстве.

Предмет. Системы и инструменты формирования общественного мнения, особенности восприятия человеком информации, а также весь спектр методов и средств воздействия на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий с применением специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня, а также инструментов мягкой силы.

Выводы. Сегодня все больше государств мира уделяют повышенное внимание вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. Поэтому объединение национальных интересов и коллективных усилий по выработке и концептуализации единого подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне основных евразийских

форматов сотрудничества, таких как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, является приоритетной задачей в современных конфликтных реалиях мировой политики.

Ключевые слова: информационная война, информационно-психологическое противоборство, пропаганда, психологические операции, информационное воздействие

Для цитирования: Кефели И. Ф., Выходец Р. С. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 11–23.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-11-23>

Eurasian Security from the Perspective of the Concept of Information-Psychological and Cognitive Confrontation

Igor F. Kefeli^{a,*}, Roman S. Vykhodets^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

^b St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the cognitive aspect of information and psychological confrontation in the Eurasian space, as well as to the study of the evolution of ideas that are currently commonly referred to by the term “information and psychological and cognitive confrontation”.

Aim. To identify the specifics of ensuring Eurasian security in the perspective of the concept of information-psychological and cognitive confrontation.

Tasks. To identify the information and psychological component in the CSTO collective security strategy, to analyze practical steps at the CSTO level in the field of countering destructive information influence, to determine the regulatory, political and organizational prerequisites for the formation of the CSTO collective information and psychological security system.

Methods. The research uses both general scientific methods: analysis, synthesis, induction, and a number of special methods and approaches: comparative analysis, methodology of critical geopolitics, content analysis, informational and historical approaches.

Results. The study showed that the formation of the modern concept of information-psychological and cognitive confrontation was significantly influenced by theoretical and applied research related to the understanding of the role of psychological operations and the use of special means of influencing the human psyche in modern military conflicts, as well as scientific developments in the field of studying modern methods of manipulation and propaganda, expanding the arsenal of means of hybrid conflicts, the weaponization of digital technologies, the emergence of new dimensions of international conflicts. Its subject includes systems and tools for the formation of public opinion, the peculiarities of human perception of information, as well as the whole range of methods and means of influencing public opinion and the psyche of an individual in peacetime and in combat conditions with the use of special information and psychological operations of strategic, tactical, operational level, as well as soft power tools.

Conclusions. Today, more and more countries of the world are paying increased attention to the issues of ensuring information and psychological security. The desire of the post-Soviet states to preserve the political, economic and socio-cultural ties developed during their life in a single state, within the framework of new integration formats, the CIS, the EAEU, the CSTO, is increasingly faced with the problem of choosing a vector of foreign policy. Therefore, combining national interests and collective

efforts to develop and conceptualize a unified approach to ensuring information and psychological security at the level of the main Eurasian cooperation formats, such as the EAEU, the CSTO and the SCO, is a priority task in the modern conflict realities of world politics.

Keywords: information warfare, informational and psychological warfare, propaganda, psychological operations, informational impact

For citing: Igor F. Kefeli, Roman S. Vykhodets. Eurasian Security from the Perspective of the Concept of Information-Psychological and Cognitive Confrontation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 11–23. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-11-23>

Введение

Рассмотрение комплекса проблем обеспечения евразийской безопасности в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства следует, очевидно, начинать с выяснения вопроса о геополитическом формате безопасности: каков его масштаб в глобальном и региональном измерении, какие государства, их союзы, субрегионы он охватывает и какие международные организации обеспечивают устойчивую динамику его развития. Если вопросы обеспечения глобальной (международной) безопасности находятся в компетенции ООН, то обеспечение евразийской безопасности обусловлено спецификой развития субрегионов евразийского континента, компетенцией военно-политических блоков и международных региональных объединений, наконец, «евразийской дугой нестабильности», инициируемой извне. Как справедливо отмечал еще в 2014 г. В. Н. Колотов, «в Евразии нет формальных механизмов обеспечения безопасности, однако есть неформальный, но очень надежный механизм обеспечения избирательной нестабильности основных субъектов евразийской геополитики подлинно континентального масштаба — евразийская дуга нестабильности. Именно этот механизм и формирует основные параметры геополитического климата в Евразии» [10, с. 31]. С той поры ситуация только усложнилась. Во-первых, внешний формат евразийской дуги нестабильности нашел свое подтверждение в ряде официальных документов США, в частности, в недавно принятой «Национальной киберстратегии США» (2 марта 2023 г.), в которой повторяется ставшая уже шаблонной фраза об угрозе «национальной безопасности и экономическому процветанию США» со стороны правительств Китая, России, Ирана и Северной Кореи, которые, подрывая международный порядок с помощью злонамеренной киберактивности, «агрессивно используют передовые кибервозможности для достижения целей, противоречащих нашим интересам и общепринятым международным нормам»¹. Во-вторых, на евразийских просторах о своих геополитических намерениях активно заявляет недавно созданная по инициативе Турции (и не только) «Организация тюркских государств» (ОТГ), приступившая к реализации принятого ее организаторами документа «Видение тюркского мира — 2040». Кстати, в этом документе отсутствует какое-либо упоминание о взаимодействии ОТГ с ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и другими международными организациями Большой Евразии, а также с Россией, Китаем, Индией и Ираном, но предписано укрепление отношений с ООН, Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также установление партнерских отношений с «соответствующими региональными институтами, включая Европейский союз (ЕС), Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Организацию экономического сотрудничества (ОЭС) и Вишеградскую группу»².

Более того, современные геополитические реалии на международной арене, обусловленные противостоянием России с коллективным Западом, вывели на первый план строительство Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ, Срединный коридор), пролегающего через страны Центральной Азии, Южного Кавказа и Турцию, общая протяженность которого превышает 11 тыс. км.

¹ National Cybersecurity Strategy. Mart 1 2023. The White House. Washington. 35 p.

² Turkic World Vision — 2040, p. 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 26.05.2023).

Такая транспортно-логистическая сфера рассматривается как один из локомотивов развития взаимоотношений между странами — участницами ОТГ. Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан, как отмечает научный сотрудник Института востоковедения РАН Орхан Гафаров, из-за политики изоляции России со стороны Запада и разрыва отношений с ней вынуждены искать новые обходные маршруты для выхода на мировые рынки¹, а Эмра Кая, эксперт Анкарского центра исследований кризисных ситуаций и политики (ANKASAM), подытоживает: «Трансформация мировой политики и динамики в Евразии привела к тому, что страны изменили свою политику. В частности, новые компромиссы показали, что для государств все зоны конфликтов в настоящее время становятся неустойчивыми. Восточная связь Европы с Азией была разорвана из-за российско-украинской войны. Конфликт, о котором идет речь, разделил приоритеты Европы»². Вот такая «история с географией», не вызывающая особого оптимизма, складывается на нашем континенте. Надо полагать, что решение вопросов обеспечения евразийской безопасности, включающей, в частности, определенные сюжеты информационно-психологической и когнитивной безопасности, будет в полной мере способствовать реализации реально существующих возможностей и планов дальнейшего развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе (в части создания идеологического фундамента нового мирохозяйственного уклада), о которых было заявлено С. Ю. Глазьевым и его соратниками в недавно опубликованном докладе [4, с. 86–88].

Евразийский контур информационно-психологической и когнитивной безопасности

«Границы информационной целостности, — отмечал еще в начале XXI в. декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Ясен Николаевич Засурский, — проходят не по пограничным столбам, а по информационному полю и по информационному содержанию, в котором мы живем» [5, с. 20]. Развивая эту идею, Е. П. Прохоров, один из основоположников отечественных исследований роли СМИ в массовой информационной безопасности, призывал «обеспечить массово-информационную безопасность за счет “доставки” потребителям необходимых для принятия решений информационных ресурсов и защиты от дезинформирующей (манипулятивной) информации». В первую очередь, по его мнению, необходимо «определение на базе научных разработок при общем согласии всех структур, задействованных в сфере журналистики по проблемам МИБ (массово-информационная безопасность. — *И. К., Р. В.*), основы объективных требований (норм) безопасного функционирования системы “СМИ — аудитория” и ее структурных элементов (причем предпочтительно, чтобы нормы были сведены в Хартию). Следом возникает проблема выявления и, затем, предупреждения и ликвидации нарушений на основе разработанных в Хартии мер противодействия им в целях оптимально-безопасного функционирования системы “СМИ — аудитория”» [15, с. 62; 16, с. 36]. По сути дела, предлагаемые Засурским и Прохоровым концепции информационной целостности и массово-информационной безопасности следует рассматривать как медийный инвариант информационно-психологической и когнитивной безопасности как в границах национальных государств, так и в пределах их коалиций «евразийского контура», будь то СНГ, ЕАЭС, ШОС и др. Тем самым СМИ, являясь основным инструментом информационного сопровождения интеграционных процессов в границах «евразийского контура», должны оказывать существенное влияние как на укрепление геополитического статуса указанных коалиций, так и на обеспечение внутренней их стабильности.

Стало уже очевидным, что одной из ключевых антропогенных угроз для человеческой цивилизации и формирования устойчивых основ нового мирового порядка становится нарастающая мощность информационного оружия как в экономической сфере для совершения различных видов мошенничества и преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, так и в идеологической и политической сферах [6].

¹ Гафаров О. Старый новый Тюркский коридор [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 23.05.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/staryy-novyy-tyurkskiy-koridor/?sphrase_id=100249689 (дата обращения: 31.05.2023).

² Dr. Emrah Kaya. Orta Asya ile Avrupa Yakınlaşmasında Stratejik Önemi Artan Azerbaycan [Электронный ресурс] // Ankara Center for Crisis and Policy Studies (ANKASAM). 15.12.2022. URL: <https://www.ankasam.org/orta-asya-ile-avrupa-yakinlasmasinda-stratejik-onemi-artan-azerbaycan/> (дата обращения: 31.05.2023).

Однако путь к осознанию этого был достаточно длителен и тернист.

Так, еще в апреле 2012 г. проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ обсуждались на круглом столе Института экономики РАН и Секретариата ОДКБ «Тенденции развития военно-политической обстановки в Евразийском регионе и концепция развития системы коллективной безопасности ОДКБ», на котором озвучивались и проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности (тогда они подразумевались, главным образом, в контексте информационной безопасности). Так, Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа, оценивая актуальные угрозы современной международной ситуации и их влияние на интересы государств — членов ОДКБ в плане обеспечения их безопасности и стабильности, к числу основных угроз относил, в частности, появление дуги экстремистских режимов на границах государств ОДКБ, рост влияния нетрадиционного ислама в государствах Центральной Азии и усиление воздействия радикальных исламистских структур, дестабилизирующих ситуацию в Казахстане и Киргизии. Опираясь на данную Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным оценку мировых процессов той поры («... то, с чем сегодня сталкивается мир, — это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху»¹), известный российский геополитик, в ту пору президент Академии геополитических проблем, Леонид Ивашов обратил особое внимание на то, что на первый план в мировой политике выходит проблема столкновения различных направлений цивилизационного развития, а ключевые направления геополитических операций — это политико-идеологическая система государств, переворбровка элит и государственной власти, использование Западом России для противостояния Востоку. По мнению другого участника дискуссии, Валерия Мунирова, деятельность ОДКБ сталкивается с новыми вызовами времени, в т. ч. в сфере высоких технологий — с разработкой новых видов оружия на новых принципах действия с помощью технологий шестого уклада: создание новых видов живых организмов, стирание грани между живой и неживой материей, изменение возможностей человека, конструирование и разрушение социальных субъектов. Тогда уже, заявил В. Муниров, «разрабатывались технологии, изменяющие тип сознания человека и его мировоззрение. В результате изменяется личность человека, система ценностей, восприятие окружающего мира и модели поведения. Схождение этих четырех научных прорывных направлений (молекула, живая клетка, индивидуальное сознание, коллективное сознание), их взаимопроникновение, стирание грани между живой и неживой материей — это уже следующий, седьмой технологический уклад, получивший на Западе имя NBIC (nano-bio-info-cogno) — конвергенция. У России есть шанс — перескочить стадию нанотехнологий и выйти на более высокий уровень» [17]. В канун образования ЕАЭС координатор Аналитической Ассоциации ОДКБ Игорь Панарин указывал на необходимость разработки и принятия вместе с созданием Евразийского союза концепции евразийской безопасности².

Евразийский контур информационно-психологической и когнитивной безопасности окончательно сформировался, надо полагать, в самом начале 20-х гг. XXI в., когда, во-первых, натовские аналитики опубликовали серию книг и военных инструктивных пособий под бойким названием «Когнитивная война», а в 1921 г. в Бордо (Франция) проходила первая научная конференция НАТО под таким же названием. Военными специалистами из этого же круга начинает подвергаться критике концепция «Войны четвертого поколения» (Fourth Generation Warfare, 4GW), разработанная еще в 1989 г. под названием «Меняющееся лицо войны: в четвертое поколение», которая в течение последующих тридцати лет служила основой формирования всей философии войны США и НАТО. Ян Куммер, бывший морской пехотинец армии США, специалист по информационным операциям и связям с общественностью в Национальной гвардии и резервах армии США, узрел в подобной приверженности «только одну проблему — это было катастрофически неправильно»³. На столь жесткое и однозначное утверждение его привело осмысление

¹ В. В. Путин. Россия сосредоточивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] // Известия (сайт). 16.01.2012. URL: <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения: 26.05.2023).

² Проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ: круглый стол [Электронный ресурс] / Институт экономики РАН. URL: [http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_03/round table.pdf](http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_03/round%20table.pdf) (дата обращения: 22.11.2015).

³ Ian Kummer. The Rise and Fall of Fourth Generation Warfare [Электронный ресурс] // The Reading Junkie. 11.07.2022. URL: <https://readingjunkie.com/2022/07/11/the-rise-and-fall-of-fourth-generation-warfare/> (дата обращения: 19.05.2023).

позиции США и всего «коллективного Запада» в ведении цивилизационной войны против России на территории Украины.

Также в ходе разработки концепции информационно-психологической и когнитивной безопасности на национальном (Российская Федерация) и региональном (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и другие субрегионы Большой Евразии) уровнях следует реализовать в теоретических разработках, методическом обеспечении и в социальной практике положения ряда правоустанавливающих документов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому в данной статье кругу вопросов. Это в первую очередь «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (от 02.07.2021), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (от 31.03.2023) и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» (от 04.02.2022).

Государственная политика в области обеспечения национальной безопасности, как указано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия), должна способствовать «наращиванию экономического, политического, военного и духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира» (ст. 10), несмотря на рост геополитической нестабильности и конфликтности, когда действия некоторых стран направлены на инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками, а «космическое и информационное пространства активно осваиваются как новые сферы ведения военных действий» (ст. 17). Но несмотря на это, «все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (ст. 17, 19).

Прямое указание на цель обеспечения информационной безопасности («укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве», ст. 56) подкрепляется конкретными задачами реализации государственной политики в этой области, в т. ч. «развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности» (ст. 57.2), «развитие сил и средств информационного противоборства» (ст. 57.10) и «совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления» (ст. 57.12).

Особое внимание в Стратегии уделено вопросам защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (более детальное изложение этого раздела Стратегии было представлено в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022). Речь идет о необходимости решения всего комплекса проблем межнациональных и межконфессиональных отношений, которые становятся «предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть» (ст. 85), в т. ч. и на пространстве Большой Евразии. Деструктивную роль с целью насаждения чуждых идеалов и ценностей, пересмотр базовых норм морали выполняет психологическое манипулирование, наносящее «непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества» (ст. 86). На индивидуальное, групповое и общественное сознание оказывается «информационно-психологическое воздействие путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» (ст. 87), а «информационно-психологические диверсии и „вестернизация“ культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета» (ст. 88)¹.

«Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях... Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации» (ст. 6).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.05.2023).

Национальными интересами Российской Федерации во внешнеполитической сфере являются в том числе «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» (ст. 15. 5).

Одной из стратегических целей внешнеполитической деятельности Российской Федерации является «обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности» (ст. 16. 1), а ее достижение осуществляется, в частности, путем выполнения следующих основных задач: «...формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие предотвращению возникновения и устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях» (ст. 17. 6); раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России (ст. 17. 8) и «формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве» (ст. 17. 11).

Приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации на предстоящий период формирования справедливого и устойчивого мироустройства в Стратегии определены, в частности: укрепление потенциала и повышение международной роли межгосударственного объединения БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов «с весомым участием России» (ст. 19. 4), консолидация «международных усилий, направленных на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» (ст. 19. 9)¹.

«Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», в котором четко указано, в частности, на то, что «Стороны намерены активизировать работу по сопряжению планов развития Евразийского экономического союза и инициативы „Один пояс, один путь“ в целях углубления практического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем в различных областях, повысить уровень взаимосвязанности между Азиатско-Тихоокеанским и Евразийским регионами. Стороны подтверждают нацеленность на параллельное и скоординированное формирование Большого евразийского партнерства и строительство “Пояса и пути” в интересах развития региональных объединений, двусторонних и многосторонних интеграционных процессов на благо народов Евразийского континента»².

Мы специально остановились на подробном разборе данных документов, чтобы более выпукло представить в контексте заявленной темы статьи органическую связь двух исследовательских тем — устройство евразийского пространства с учетом сочетания национальных и коллективных интересов на нем акторов коалиционного взаимодействия, с одной стороны, и, с другой — создание целостной системы информационно-психологической и когнитивной безопасности на основе идейно-мировоззренческого (идеологического), когнитологического и организационного обеспечения евразийской безопасности и евразийского цивилизационного сообщества как одного из полюсов современного мироустройства [3; 9, с. 243–261].

Теоретическое становление концепции информационно-психологического противоборства и когнитивной безопасности

Во время Первой мировой войны 10 мая 1915 г. в британской газете The Times вышла статья под заголовком «Пытка канадского офицера» (Torture of a Canadian Officer). В тексте сообщалось, что во

¹ Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?index=1> (дата обращения: 19.05.2023).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии [Электронный ресурс] // Президент России (офиц. сайт). 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67712> (дата обращения: 19.05.2023).

время битвы при Ипре 24 апреля 1915 г. немецкие военные захватили в плен и распяли на дереве канадского солдата. Достоверные свидетельства о том, случилось ли это на самом деле или нет, отсутствуют. Однако сама статья имела достаточно сильный эффект, ее быстро подхватила пресса самой Британии и других стран, и история о распятом офицере стала широко известна в войсках и среди населения, что способствовало демонизации немцев в глазах широкого общественного мнения. Это был, пожалуй, первый в истории пример по использованию информационного пространства в целях дискредитации военного противника и целенаправленного психологического воздействия.

В 1920 г. вышла в свет книга «Танки в великой войне 1914–1918 годов» британского историка и военного теоретика Джона Фуллера, который, по мнению некоторых исследователей, является автором понятия «психологическая война» (Psychological Warfare) [19]. В своей работе он пишет: «Механическая война будет заменена другой войной, беспроволочной природы, и не только вещи, но и человеческое тело будет управляться “флюидом”, которого мы даже еще не понимаем. Внушение воли одного человека другому может, в свою очередь, привести к чисто психологической войне, при которой даже не будет употребляться оружие» [18].

По мнению отдельных авторов, в полной мере термины «психологическая война» и «психологическая операция» утверждаются в документах специальных военных и разведывательных служб США и Великобритании в период Второй мировой войны [1].

Ранее использование термина «психологическая война» фиксируется в названии статьи “Psychological Warfare and How To Wage It”, опубликованной в 1940 г. в одном из американских журналов [22].

Окончательное утверждение термина «психологический» в официальных документах западных военных структур связано с созданием в феврале 1944 г. Управления по вопросам печати и психологической войны при штабе главнокомандующего объединенными силами союзников в Европе [14].

В научный обиход термин «психологические операции», по всей видимости, ввел капитан ВМС США Эллис Захариас. В своей книге «История офицера разведки», опубликованной в 1946 г., он пишет: «Все психологические операции будут координироваться как во времени, так и в направлениях, чтобы повысить эффективность основной операции» [23].

Спустя два года после публикации книги Захариаса, в 1948 г. вышла в свет работа Пола Лайнбарджера «Психологическая война», в которой впервые термин «психологическая война» использовался как самостоятельная теоретическая конструкция и предмет научного анализа в контексте межгосударственных конфликтов. Лайнбарджер теоретически обобщил опыт применения американцами и армиями других стран психологического воздействия на противника в военных целях [21, с. 9].

Центральным тезисом его концепции явилось то, что психологическая война направлена на достижение военных успехов без непосредственного применения военной силы. Лайнбарджер подчеркивал, что психологическая война может быть определена как способ ведения войны, в котором первостепенное значение имеет задействование информационного ресурса СМИ, использование достижений психологии в военных целях, а также синхронизация политических, пропагандистских, подрывных и военных усилий [Там же, с. 46].

Следует подчеркнуть, что Лайнбарджер первым отделил собственно боевые действия от специальных психологических операций, которые более не рассматривались исключительно в качестве вспомогательного инструмента достижения целей в рамках военного конфликта. Более того, предложенная им концепция психологической войны впервые обозначила связь между медиапространством и воздействием на человеческую психику в военных целях, поэтому с уверенностью можно сказать, что концепция информационно-психологического противоборства берет начало в 1948 г.

В процессе развития идей информационно-психологического противоборства человеческое сознание было провозглашено в дополнение к земле, морю, воздуху, космосу и киберпространству шестым пространством современных конфликтов — когнитивным [8, с. 78].

Революция в информационных технологиях сделала возможными когнитивные манипуляции нового типа в беспрецедентных и очень сложных масштабах. Это способствует тому, что классические воен-

ные возможности все более отдаляются от информационно-психологической сферы, происходит снижение актуальности кинетических и ресурсоемких средств ведения войны.

Сегодня информационно-психологические операции являются жизненно важным компонентом широкого спектра дипломатической, информационной, военной и экономической деятельности и выходят далеко за рамки военной сферы. Именно поэтому информационно-психологическое противоборство — это не один из аспектов военно-политической деятельности, а относительно обособленное измерение мировой политики, включающее широкий арсенал инструментов и ресурсов по осуществлению достаточно эффективных мероприятий по продвижению национальных интересов, обеспечения безопасности, решения прикладных политических, экономических и военных задач.

Информационно-психологическое противоборство в XXI в. разворачивается на фоне возникновения глобального информационного пространства и глубоких процессов цифровизации. Опираясь на современные технические возможности, постоянно совершенствуются манипулятивные технологии. Как указывают некоторые исследователи, ряд качественно новых аспектов в современную практику оказания информационно-психологического воздействия привнесли с собой социальные сети, которые связаны со значительными сложностями в верификации источника и достоверности информации, что открыло широкие возможности для распространения заведомо ложной или же намеренно искаженной информации [7, с. 28]. Поэтому сегодня в области массовых коммуникаций формируется отдельное направление по исследованию так называемых фейков.

Как указывает А. В. Манойло, одним из основных трендов современной международной политики является использование заведомо ложных (фейковых) событий или сфабрикованных адресных конфликтогенных новостей в качестве повода для нагнетания международной напряженности [11]. В глобальное информационное пространство вбрасываются огромные объемы непроверенной, тенденциозно подобранной, вырванной из контекста или откровенно ложной информации. Специалистами Массачусетского технологического института было проведено исследование, в рамках которого они изучили более 126 тыс. фейковых новостей, опубликованных в Twitter¹ в период с 2006 по 2017 гг. В результате было установлено, что фейковые новости распространяются в среднем в шесть раз быстрее правдивой информации из достоверных источников [20].

Кроме того, как подчеркивают некоторые исследователи, наибольшую опасность сегодня представляют созданные при помощи технологии искусственного интеллекта фейковые видеоролики, которые способны своей реалистичностью окончательно запутать широкую общественность относительно происходящих в современном мире событий [13, с. 16].

В современном мире возрастают угрозы враждебного использования информационно-коммуникационных технологий. Некоторые исследователи указывают, что одной из доминирующих тенденций современных международных отношений становится целенаправленная фабрикация событий, а также использование манипулятивной информации для различного рода провокаций и нагнетания напряженности [12].

Осмысление новых угроз в информационной среде в совокупности с появлением новых средств коммуникации, позволяющих с невиданной ранее эффективностью оказывать воздействие на индивидуальную психику человека, способствует дифференциации теории и практики информационной безопасности, а также формированию в ее концептуальных границах отдельной сферы информационно-психологической и когнитивной безопасности, главными объектами которой выступают системы формирования общественного мнения и психика человека.

Предметные границы концепции информационно-психологического противоборства

Сегодня можно со всей уверенностью утверждать, что деятельность, находящаяся на стыке массовых коммуникаций и психологии, представляет собой обособленное измерение современных международных отношений. Несмотря на кажущуюся очевидность подобного вывода, в теоретико-методологическом

¹ Деятельность соцсети Twitter (заблокирована в России) запрещена на территории Российской Федерации.

плане выделение специфического предмета концепции информационно-психологического противоборства задача отнюдь нетривиальная. Сегодня научный дискурс наполнен тысячами работ, посвященных вопросам противоборства в информационной среде, в которых термины, содержащие прилагательные «информационный» и «психологический» применительно к международному противоборству зачастую употребляются в качестве синонимов, либо содержание их в известной мере смешивается, либо же их использование носит ярко выраженный метафоричный характер.

При всех различиях в авторских трактовках и разнице в расстановке исследовательских акцентов понятие «информационный» (информационное противоборство/война/операция) в первую очередь на первый план выводит воздействие на информационную инфраструктуру, базы данных, каналы коммуникации, программное обеспечение, контроль над информационными потоками и информационной повесткой; понятие «психологический» (психологическая война/операция) фокусирует внимание прежде всего на воздействии на человеческую психику, сознание, эмоции для оказания влияния на поведение человека.

Также существенное значение при определении предмета концепции информационно-психологического противоборства имеют его конкретные инструменты и способы реализации: от специальных психологических операций, проводимых военными в условиях боевых действий, до публичной дипломатии.

Исходя из этого, для определения предмета концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства в одной из предыдущих работ нами была предложена теоретическая схема, включающая две оси. Первая ось характеризует объект воздействия, на ее полюсах расположены «индивидуальная психика» и «информационная инфраструктура» с промежуточными делениями: «информационная повестка» (контроль над медийным пространством, доминирование определенного контента) и «программно-аппаратная среда» (программное обеспечение, комплектующие, поддержка, технические стандарты обработки данных). Вторая ось характеризует инструменты и характер воздействия. Полюсами этой оси выступают «публичная дипломатия» (деятельность иностранных СМИ, НКО, распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры и т. д.) и «боевые действия» (состояние военного конфликта, прямого или же гибридного). Промежуточными делениями на данной оси выступают «информационные и психологические операции», проводимые под эгидой военного руководства, и «злонамеренное воздействие на социум» (целенаправленная пропаганда, распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, негативное воздействие на общественные ценности и систему образования и пр.) [2].

Опираясь на предложенную схему, можно четко обозначить основной предмет современной концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства, который включает в себя системы и инструменты формирования общественного мнения, особенности восприятия человеком информации, а также весь спектр методов и средств воздействия на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий с применением специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня, а также инструментов мягкой силы.

Заключение

Сегодня все больше государств мира уделяют повышенное внимание вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности. Вот уже более тридцати лет постсоветское пространство является ареной стратегической конкуренции, на которой сталкиваются национальные интересы государств, финансово-экономических групп, ценностные и идеологические модели развития. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. При этом и внешние

силы, прежде всего США, рассматривают усиление евразийской интеграции как угрозу своему доминирующему положению в мире. Постсоветские государства становятся объектом попыток установления внешнего влияния, являющегося частью комплексной политики сдерживания Китая и России. При этом США и их союзники по НАТО все чаще переходят к прямым формам информационно-психологического воздействия на гуманитарную сферу постсоветского пространства.

Поэтому объединение национальных интересов и коллективных усилий по выработке и концептуализации единого подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне основных евразийских форматов сотрудничества, таких как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, является приоритетной задачей в современных конфликтных реалиях мировой политики.

Литература

1. *Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю.* Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
2. *Выходец Р. С., Панцеров К. А.* Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право политика. 2022. Т. 16. № 4. С. 139–148. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
3. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. *Глазьев С. Ю., Митяев Д. А., Ткачук С. П.* О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Научный доклад / Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. М., 2023. 107 с.
5. *Засурский Я. Н.* Информационная безопасность России и средства массовой информации // Информационное общество. 2001. № 4. С. 19–23. EDN: HRNVVF
6. *Ильина М. Ю.* Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 119–127. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-119-127
7. *Касюк А. Я.* Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С. 22–34. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
8. *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. 228 с.
9. *Кефели И. Ф.* Человек и асфатроника: категорию идеального — в исследования искусственного интеллекта и глобальной безопасности / Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М. : КАНОН+, 2022. 496 с.
10. *Колотов В. Н.* Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. №2 (15–16). С. 28–42. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-28-42
11. *Манойло А. В.* «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45. EDN: HGEVPF
12. *Манойло А. В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М. : Горячая линия — Телеком, 2018. 496 с.
13. *Панцеров К. А.* Ментальные войны с применением технологий искусственного интеллекта: вызовы и угрозы для России // Вестник академии военных наук. 2021. № 3. С. 15–21. EDN: ESRDKY
14. *Погью Ф. С.* Верховное командование. М. : Воениздат, 1959. 601 с.
15. *Прохоров Е. П.* Обеспечение информационной безопасности в деятельности СМИ. М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. 90 с.

16. Прохоров Е. П. Средства массовой информации и информационная безопасность // Информационное общество. 1997. Вып. 4–6. С. 36–42.
17. Селиванова И. Ф. Проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ («Круглый стол» в Институте экономики РАН) // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 3. С. 21–36. EDN: SVKQAT
18. Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914–1918 гг. М. : Высш. воен. ред. совет, 1923. 262 с.
19. Daugherty W. E. Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One. US Department of the Army, 1976. 18 p.
20. Langin K. Fake News Spreads Faster than True News on Twitter — Thanks to People, not Bots // Science. 8 March 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (дата обращения: 06.02.2023). DOI: 10.1126/science.aat5350
21. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p.
22. Psychological Warfare and How to Wage It // Current History and Forum. 1940. January. P. 52–53.
23. Zacharias E. M. Secret Missions: The Story of an Intelligence

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук; e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

References

1. Barabash V. V., Kotelenets E. A., Lavrentieva M. Yu. Information War: Towards the Genesis of the Term // Sign: Problematic Field of Media Education [Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya]. 2019. No. 3. P. 76–89 (In Rus.) DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
2. Vykhodets R. S., Pantserov K. A. Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 139–148. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
3. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo politika]. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 10–21. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. Glazyev S. Yu., Mityaev D. A., Tkachuk S. P. On the Possibilities of the Economic Development of the EAEU in the Expected Future. Scientific report of the Russian Academy of Sciences on the complex problems of Eurasian economic efficiency, improvement, productivity and sustainable development. Moscow, 2023. 107 p. (In Rus.)
5. Zasursky Ya. N. Information Security of Russia and Mass Media // Information Society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2001. No. 4. P. 19–23. (In Rus.) EDN: HRNVVF
6. Ilyina M. Y. Prospects of Cooperation of the EAEU Member States in the Field of Information Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo politika]. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 119–127. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-119-127
7. Kasyuk A. Ya. Informational and Psychological Impact in Information Confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo

- universiteta. *Obshchestvennye nauki*. 2021. Issue 1. P. 22–34. (In Rus.) DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
8. Kefeli I. F. *Asphatronics: on the Way to the Theory of Global Security*. Saint Petersburg, 2020. 228 p. (In Rus.)
 9. Kefeli I. F. *Man and Asphatronics: the Category of the Ideal — in the Research of Artificial Intelligence and Global Security / Humanity in the New Reality: Global Biotechnological Challenges*. Moscow : CANON+, 2022. 496 p. (In Rus.)
 10. Kolotov V. N. Kolotov V. *The Current State of the Eurasian Arc of Instability: the Spheres of Influence and the Shift of Instability from the Western to the Eastern Flank // Comparative Politics Russia. [Sravnitel'naya politika]*. 2014. Vol. 5. No. 2 (15–16). P. 28–42. (In Rus.) DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-28-42
 11. Manoilo A. V. *Fake News as a Threat to National Security and as a Tool of Information Management // Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki]*. 2019. No. 2. P. 37–45. (In Rus.) EDN: HGEVPP
 12. Manoilo A. V. *Information Wars and Psychological Operations. Guide to Action*. Moscow : Hotline — Telecom, 2018. 496 p. (In Rus.)
 13. Pantserev K. A. *Mental Wars with the Use of Artificial Intelligence Technologies: Challenges and Threats for Russia // Bulletin of the Academy of Military Sciences [Vestnik akademii voennykh nauk]*. 2021. No. 3. P. 15–21. (In Rus.) EDN: ESRDKY
 14. Pogyu F. S. *Supreme Command*. Moscow : Voenizdat, 1959. 601 p. (In Rus.)
 15. Prokhorov E. P. *Ensuring Information Security in the Activities of the Media*. Moscow : Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, 2009. 90 p.
 16. Prokhorov E. P. *Mass media and information security // Information Society [Informatsionnoe obshchestvo]*. 1997. Issue 4–6. P. 36–42. (In Rus.)
 17. Selivanova I. F. *Problems of Eurasian Security and Prospects for the Development of the CSTO (“Round table” at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]*. 2012. No. 3. P. 21–36. (In Rus.) EDN: SVKQAT
 18. Fuller J. *Tanks in the Great War of 1914–1918*. Moscow : Higher. Military ed. the Council, 1923. 264 p. (In Rus.)
 19. Daugherty W. E. *Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One*. US Department of the Army, 1976. 18 p.
 20. Langin K. *Fake News Spreads Faster than True News on Twitter — Thanks to People, not Bots // Science*. 8 March 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (accessed: 06.02.2023). DOI: 10.1126/science.aat5350
 21. Linebarger P. *Psychological Warfare*. Washington, 1954. 335 p.
 22. *Psychological Warfare and How to Wage It // Current History and Forum*. 1940. January. P. 52–53.
 23. Zacharias E. M. *Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer*. New York : G. P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.

About the authors:

Igor F. Kefeli, Professor, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy);
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815